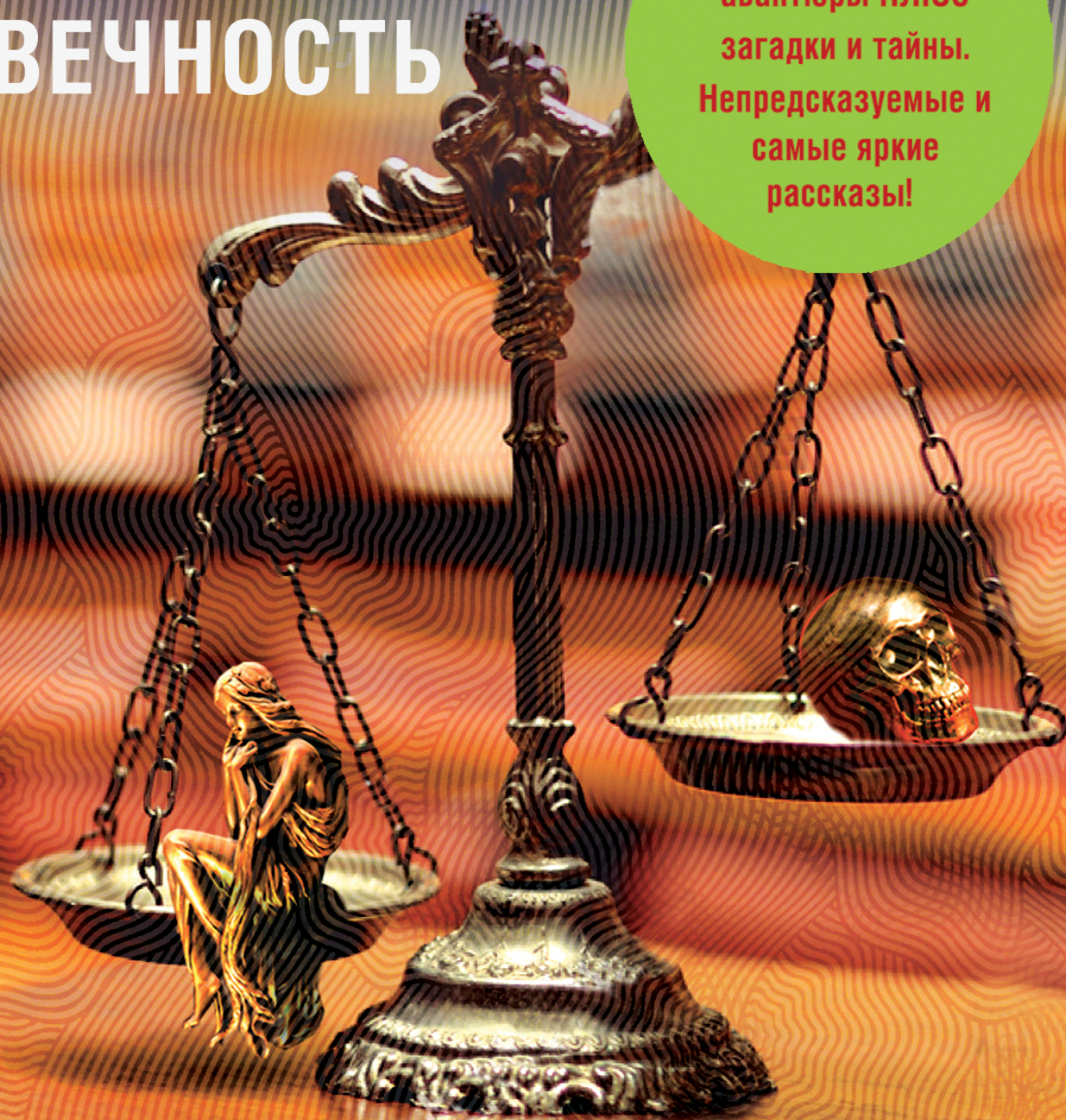

ПЛЮС – МИНУС ВЕЧНОСТЬ

Драйв, любовь,
авантюры ПЛЮС
загадки и тайны.
Непредсказуемые и
самые яркие
рассказы!

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Анна и Сергей Литвиновы
Плюс-минус вечность (сборник)

«ЭКСМО»

2007

Литвиновы А.

Плюс-минус вечность (сборник) / А. Литвиновы — «Эксмо»,
2007

Детективные рассказы Анны и Сергея Литвиновых наряду с романами давно и заслуженно пользуются огромной популярностью среди поклонников остросюжетной литературы. В новом сборнике читатель найдет все, за что он любит детективы: коварные преступления, неразрешимые загадки, головокружительные повороты событий и блистательная развязка! И, конечно же, любовь...

© Литвиновы А., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

ВОЛНЫ МЕСТИ	5
БЕЛЫЕ НОЧИ, СИНИЕ ДНИ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анна и Сергей Литвиновы

Плюс-минус вечность

ВОЛНЫ МЕСТИ

– Купи свинины. Тридцать килограммов. Парной. Нужна очень быстро. Действуй.

Ну и задача: под самый-то Новый год. В магазинах сейчас полный дурдом – даже в самых навороченных супермаркетах толпы народа, и продавцы хамят вполне в духе сельпо. Утром Лесю уже грозились уволить – из-за того, что ей хлеба с отрубями купить не удалось, с обычным ржаным вернулась. А уж *мясо* – тем более парное, да под вечер, она точно нигде не найдет.

Так что только и оставалось сесть в машину и попросить шофера:

– На водохранилище меня отвези.

Водитель, чудик Владик, – как и она сама, не москвич, поэтому сочувствовать пока не разучился, – спросил тревожно:

– К проруби, что ли, послали? Рыбу ловить?!

– В прорубь, – кивнула Леся. – Только не ловить. Сама утопиться хочу. От такой-то жизни...

Впрочем, Лесю сразу предупредили: на легкую жизнь в особняке Кремневых можно не рассчитывать.

– Хоть и обидно, деточка, а примиришься сразу, – сказала ей тогда пожилая менеджерша из агентства по трудоустройству. – Твои амбиции, знания и планы на жизнь там никого интересовать не будут. В университет собираешься? А потом – свою фирму открыть?! Забудь, ласточка. Держи свои мечты при себе, а лучше вообще их из головы выброси... И на работе помни одно: они – баре. Ты – прислуга. И задача твоя – выполнять буржуйские прихоти. Четко, полно и по первому свистку. А не то – мигом вышвырнут.

М-да уж, тухловатая перспективка. Но иных вариантов у нее не было.

Леся тогда только что провалилась в университет. Что грустно, студбилет престижного вуза был совсем рядом, почти подмигивал – единственного балла не хватило. Когда пошла на апелляцию, ее даже не поняли:

– А что вы, девушка, так переживаете? К нам обычно с двойками приходят. А у вас две четверки, пятерка и тройка. Вполне достойный результат. Спокойно поступаете на контрактной основе, а после первого курса, бог даст, и на бесплатное переведетесь.

И поди объясни бесппроблемным московским профессорам, что контрактное отделение (целых пять тысяч долларов за год!) – это только для всяких столичных штучек с богатыми предками не проблема. А для нее, как и для мамы, терапевта из городской поликлиники славного города Томска, такая сумма абсолютно неподъемна. Мамочка, правда, предложила поменять их «хрущобу»-двушку на комнату в коммуналке с доплатой, – чтоб только дочка в милом сердце универе училась, но Леся отказалась. Категорически.

– Ерунда, мам. Не суетись. Ничего страшного не случилось. Прокантуюсь годик в Москве, похожу на курсы, денюжат подкоплю. Ну а следующим летом опять поступать буду. И клянусь тебе: в этот раз все получится.

Хвала мамуле: причитать, что дочка одна в чужом городе, она не стала. И обижать Лесю подозрениями, что та в столице на панель отправится (из их класса девчонок пять по такому пути пошли), – тоже. Об одном попросила:

– Ты только постарайся хорошую работу себе найти. Чтоб сильно не нервничать, а еще – чтобы жилье и стол предоставляли. Сама ведь знаешь: с твоим гастритом сухомытничать нельзя. И высыпаться обязательно нужно.

Леся от такого совета, признаться, про себя хмыкнула. Можно подумать, в жесткой столице подобных тепленьких мест – сто штук на выбор. Вообще-то ей пока только на рынке стоять предлагали – по двенадцать часов в день торговать китайскими шмотками. Ну, или в юридической консультации курьером, – за двести долларов, при том, что только за чахлую общагу по сотне в месяц нужно отстегивать.

Поневоле задумаешься: может, правда в девицы по вызову податься? Тем более оказалось: за подготовительные курсы при универе тоже платить надо – и очень немало... Но уж больно картина сюрная (это от слова сюрреализм – Леся подслушала, так в любимом универе студенты выражаются) получалась: она, в пеньюаре и вульгарном черном белье, в перерыве между клиентами сидит на кровати-сексодроме и повторяет спряжения английских глаголов...

Поэтому, когда вдруг свалилось место младшей горничной – и не где-нибудь, а в особняке крупного бизнесмена Кремнева (полный пансион, семьсот долларов в месяц, один выходной в неделю), – Леся едва рок-н-ролл не станцевала. Прямо перед столом менеджерши по трудоустройству.

Впрочем, от плясок удалось удержаться, но радостных ноток в голосе (а также провинциальной – как насмехались абитуриентки-москвички – глупой восторженности) Леся скрыть не смогла. Пылко откликнулась:

– Йес, то есть да! Конечно, я согласна!

– Что ж... – задумчиво протянула тетенька, которая восторга соискательницы явно не разделяла. – Возможно, вы, Леся, и правы...

Почему-то вздохнула и протянула девушке солидную пачку анкет и опросников. А потом стала объяснять специфику работы.

Смысл долгой речи оказался таким: она, Леся, идет в барский дом «прислужой за все». Или другая формулировка – «девицей на побегушках». Ну и совсем грубо: «Последней шестеркой». И начальником ей будет далеко не сам бизнесмен Кремнев и даже не его супруга, а некая Таисия Андреевна. Старшая экономка особняка и, как следовало из осторожных намеков сотрудницы агентства, натуральная церберша.

– Женщина она, скажем так, не без странностей, – рассказывала Лесе менеджер. – Я ее хорошо знаю: уже третью помощницу за год ей отправляю... Таисия эта – очень сухая, очень требовательная. Лени, панибратства, беспомощности категорически не приемлет. Сама работает сутками, – и от тебя того же требовать будет. И еще – только, Леся, строго между нами – с внешностью у Таисии Андреевны, мягко сказать, не очень... Поэтому красоток она на дух не выносит. Вы, к счастью (Леся насупилась), на фотомодель не тянете. Но все равно: будьте осторожны. Никакой косметики, волосы – под косынку, юбку – ниже колена. Все понятно?

«Понятно. Глаза долу, ни пикнуть, пахать без продыху и выглядеть крокодиллом», – быстро пронеслось у Леси в мыслях. Но вслух она благодарно сказала:

– А что, по-моему, все нормально. Я ведь пока не доросла условия диктовать...

И полетели *будни*.

Первые дни Лесе, правда, показались лучше самых суперских праздников. Такой шок был, когда в кремневский особняк первый раз попала! Все думала: сон ей снится... Раньше-то, когда фильмы по телевизору смотрела, не сомневалась: подобная роскошь, с фонтанами, мрамором, фресками, хрусталем, блестящим золотом паркетом, только в Голливуде бывает. И то достигается путем сложных комбинированных съемок. Кто подумать мог, что ближе Подмоскovie американской фабрике грез сто очков вперед даст.

Три этажа и сорок семь венецианских окон в золоченых оправках. Восемь ванных комнат и бассейн (не очень большой, всего двадцать метров, зато с минеральной водой, которая из

самого Израиля поставлялась). А чего стоили газоны и клумбы с такими экзотическими растениями, что сразу стало жалко, что она не на биологический факультет готовится! Вольер, где разгуливали надменные павлины! Гараж на семь, одна другой краше, автомашин!..

Да и хозяин, Владимир Борисович Кремнев, оказался, против ожиданий, вполне нормальным дядькой. Ничего демонического – почти обычный, только очень усталый и с жесткими глазами мужик. Даже снисходил, чтоб здороваться, – имени Лесиного, правда, так и не запомнил.

Жена хозяина была похуже. Придира. Голос скрипучий, шаги сторожкие. И вид еще более измученный, чем у супруга (но только тот на работе устает, а хозяйка – на бесконечных подтяжках-массажах). Дети, мальчишки-близнецы, по счастью, большей частью обретались в Англии – обучались джентльменству и хорошим манерам. Умудрялись, правда, и из своего Альбиона вредить. Например, глубокой ночью звонили на Лесин мобильник и со зловещим придыханием шептали: «Этто я, твоя сммерть...»

Ну а самой колоритной фигурой, как и предупреждали в агентстве, оказалась непосредственная начальница. Таисия-громовержец. «Вот уж кто смерть так смерть», – иногда думала Леся.

Возраста домоправительницы, собственно, не определить. Лицо удивительно гладкое. Ни морщин, ни мимики. Говорит одними губами, об улыбке – и речи нет. Маска, в общем. Одни глаза – холодные, пронизательные бусинки – в этом лице живые. Смотрит на тебя – и так страшно... Будто напротив удава стоишь, который в любую секунду может наброситься. К тому же еще и кончик языка у Таисии, как заметила Леся, слегка раздваивался. В общем, настоящая змеюка. Так и хочется глубокими ночами (скорее даже к утру – раньше начальница отправляться в постель не позволяла) раскинуться на простынях и трактат сочинять. Под условным названием «Сто и один способ умертвить Главную Экономку».

А ведь она, Леся, по сути своей не злая. Это ж как надо ее довести, чтобы она кому-то смерти пожелала! Но Таисии допечь Лесю удалось. Любой день возьми – и обнаружишь ярчайший пример. Вот, например, вчера: Леся три часа без прорыва оттирала от патины старинный подсвечник. Пальцы стерла до крови, глаза от медной пыли заслезились, зато красота получилась неопишуемая! Блеск, шик, раритет! А Таисия подсвечник шварк – и в пыль. И скрипит:

– Безобразно. Переделать. Немедленно.

А сегодня, двадцать девятого декабря, двадцать ноль-ноль, когда Таисии вдруг свинины приспичило?! Ну что стоило предупредить хотя бы вчера, чтобы Леся, в свою очередь, поставщиков озадачила?.. Старшая экономка сама ведь прекрасно знает – в Москве под Новый год только с водкой да дешевыми колбасами перебоев нет. А дорогие, качественные продукты нужно заранее заказывать.

– ...Короче, за свининой меня послали. За парной. Нужно тридцать кило, – просветила Леся шофера.

– Е-мое! – темпераментно откликнулся Владик.

– Видно, шашлык затевают.

– Ну, тогда точно: пушное животное к тебе пришло, Леська. То бишь писец, – покачал головой водитель.

– Вот и я говорю: только в прорубь... – согласилась Леся.

– Не нужно в прорубь. Мне без тебя скучно будет, – серьезно сказал шофер.

– А может, хозяину в ноги броситься?.. Сказать все, как есть. Объяснить, что нереально это, – задумчиво произнесла девушка. – Он вроде нормальный мужик, поймет... Ну, не знаю я, где эту свинину брать, не знаю!!!

– Хозяина по ерунде дергать нельзя, – вздохнул Владик. – Тем более, если Таисия ему уже шашлык посулила...

– А раз посулила: пусть сама мясо и достает! Черт! Черт! – Леся безжалостно залепила автомобильному подлокотнику пару пощечин.

Владик поморщился – не терпел, когда кто-то машины, его любимые игрушки, обижал. Но промолчал. И робко предложил:

– Ну? Куда едем? В Москву?

И Леся глубоко вздохнула и приказала:

– Нет. Езжай в Осташково. Там, кажется, свиноферма была.

– Бесплезно, – покачал головой водитель. – Времени восемь вечера. Они давно закрылись.

– Пусть бесплезно, – отчаянно буркнула она. – Но сам же понимаешь: без мяса я вернуться не могу.

И устало прикрыла глаза – ну и жизнь у нее! Ну и счастливые предновогодние денечки!..

...А когда пару часов спустя Леся гордо приволокла в кухню сумку-холодильник, полную, как и заказывали, парной свинины, Таисия на ее добычу даже и не взглянула. И уж тем более не стала выслушивать драматичную сагу о приключениях на свиноферме. Равнодушно велела:

– Поставь в холодильник. Хотя нет – отдай охране. Пусть шашлык себе сделают.

– Как?! – вырвалось у Леси.

И это после того, как она у сторожа чуть не в ногах валялась, чтобы тот признался, где директор свинофермы живет?.. А перед директором, пьяным и наглым, едва канкан не плясала, чтоб тот забойщика вызволил и велел ему свинью зарезать и разделать?!

– Ты здесь не за тем, чтоб задавать мне вопросы, – пригвоздила Таисия. И велела: – Избавься от мяса и немедленно звони в авиакассы. Мы с тобой летим в Сочи, рейс не позднее трех утра, билеты пусть доставят немедленно.

– Куда мы летим?.. – опешила Леся.

– Девочка, ты начинаешь меня раздражать, – выплюнула начальница. Но все-таки снизошла, объяснила: – Планы на Новый год изменились. Хозяин с хозяйкой будут праздновать в Сочи, прием на шестнадцать персон, наша с тобой задача его организовать. – Повернулась к Лесе спиной и уже на ходу добавила: – Мне возьмешь бизнес-класс, себе – обычный.

– О господи, – простонала младшая горничная.

В отчаянии пнула сумку-холодильник с никому теперь (охрана, ясное дело, не в счет) не нужным мясом. И пошла к телефону – интересно, есть ли такие авиакомпании, что присылают курьеров двадцать девятого декабря, поздним вечером, да еще и за город?.. Наверное, нет. Но только доставать билеты все равно придется...

...А той же ледяной ночью они с Таисией уже прилетели в Сочи. Леся в знаменитом городе прежде не бывала, но слышала про него, конечно, немало. Про пальмы, особняки, тенистые аллеи, красавцев спасателей с городских пляжей... Однако сейчас красавцами здесь и не пахло – на зиму, видно, в спячку ушли. Сотрудники в аэропорту хмурые, таксист и вовсе – цедил сквозь зубы и косился, что обидно, не только на страшилище Таисию, но и на саму Лесю. В общем, обстановка самая неприветливая. «И как, интересно, в таких условиях праздничный банкет устраивать? В незнакомом городе? За полтора оставшихся дня?!»

На молчаливый Лесин вопрос ответила Таисия. Процедила сквозь зубы:

– Предупреждаю: дел будет много. Так что имей в виду: спать, по крайней мере до первого января, не придется.

И обрисовала план действий: праздник будет иметь место в съемном особняке (пятьсот квадратных метров, пляж, рокарий и сад).

– По контракту к особняку прилагаются две уборщицы, официантка, поставщик продуктов и повар, – просветила Лесю начальница. – Но ты же понимаешь: все они местные, – словечко прозвучало с нескрываемым презрением, – так что доверять им нельзя. Тем более что гости к Владимиру Борисовичу придут серьезные.

– Партнеры по бизнесу? – с умным видом уточнила Леся. Вопрос, как немедленно продемонстрировала начальница, получился неудачным. По крайней мере Таисия тут же скривилась и назидательно заявила:

– Бизнес, деточка, на Новый год не ведут. И деловых партнеров на семейный праздник не приглашают. Состав другой. – И она начала перечислять – столь известных персон (артистов, певцов, светских дам и политиков), что у таксиста с каждым новым именем – Леся в зеркальце заднего вида подсматривала – челюсть отпадала.

«Ух, вот я автографов наберу! – порадовалась Леся. – И вообще, наверное, весело будет!..»

Младшая горничная пока не знала, до какой степени она ошибается.

* * *

Сказочный особняк с видом на море Лесю не впечатлил.

Хотя кругом и росли пальмы, но больше ничего южного, *теплого*, в доме не было. Скорее он походил на поместье какого-нибудь сурового кельта: выложенные камнем стены, надменные арочные окна, нервный бег флюгера на крыше из черной черепицы. Соседство с долгожданным морем и вовсе выглядело зловеще – особняк, словно гнездо гигантской ласточки, прилепился на краю скалы, а метрах в сорока ниже, сразу же за узенькой полоской каменистого пляжа, яростно шумели волны – ледяные, свинцовые, в рваном кружеве пены.

«Вот будет история, если кто-то из гостей переπέет... и вниз свалится, – покачала головой Леся. – Высота-то – примерно как двенадцатиэтажный дом. И ограждение – совсем несолидное...»

...Гостей, как и предрекала Таисия, на банкет явилось ровно шестнадцать – отказаться от бала у Кремнева (как и от бала у Сатаны в известной книге) никто не посмел.

Так что Леся, на обочине бесконечной гонки («подмети подъездную дорожку... подай в гостиную фрукты... вынеси на ледник еще один ящик шампанского»), то и дело натыкалась на знакомые по телеэкрану физиономии.

Вот известный пародист (светский, томный, безупречный костюм, многодолларовый галстук) притулился у окна, задумчиво смотрит на море, и лицо настолько возвышенное, что Леся даже в восхищении приостановилась. Впрочем, любовалась красавцем недолго – ровно до того момента, как тому потребовалось прочистить нос. Носовым платком VIP-персона решила не пользоваться – проделала манипуляцию точно в кадку с магнолией, которой Леся все утро полировала листья.

Не лучше оказалась и известная певица. По телику знай поет про «чистую любовь» да «хрустальные поцелуи», а в интервью – обожает разоряться про женскую гордость и про возвышенные чувства. А тут, в особняке, что творит?! С кем только уже не обжималась! И у скандального депутата на шее висела, и на коленках у знаменитого автора детективных романов, роскошного пышноусого красавца, восседала... И даже с самим хозяином целовалась – причем остальная публика, включая жену Кремнева (вот странные эти буржуи!), вела себя, будто так и надо: во все глаза наблюдала за поцелуем, громко хлопала и заключала пари – дотянет ли парочка до минуты.

«Эх, жаль, что я не в журналисты готовлюсь, – посетовала Леся. – А то такой бы репортаж можно было сострять!»

Впрочем, чем ближе подбирался Новый год, тем больше ей становилось *все равно* – так с бесконечной беготней замоталась. Актер – жутко известный, его фотки у всех одноклассниц над кроватями висели, – случайно столкнулся с ней в дверях и бархатным голосом попросил «пardon». Ну и что? Режиссер – как положено богеме, в свитере грубой вязки и с трубкой в зубах – помог вынести на террасу поднос с коктейлями, а по пути плел, что у нее «интересный

типаж» и «безграничные перспективы»? Подумаешь... Когда ты на ногах почти двое суток да еще и под неусыпным оком Таисии – уже не до известных лиц. Не до их бархатных улыбок и изысканных комплиментов.

Леся с грустью вспоминала, как встречала Новый год раньше, еще когда жила в Томске, с мамой. Как делила тридцать первое декабря на вехи. От неизбежной «Иронии судьбы» до вечернего концерта, от концерта до выступления президента. От боя курантов до эротических клипов, которые всегда выползали на экраны в районе четырех утра... И она еще смела жалеть, что такой, предсказуемый и чинный, Новый год – это скучно! Эх, сегодня бы ей так *поскучать!* Сейчас, когда праздник разделен совсем на другие вехи – от аперитива до горячего. От десерта до барских плясок. Ну, и еще об одном нужно постоянно заботиться: когда на кого-то из высоких гостей нападает охота заорать: «С Новым годом!», под рукой у него должен обязательно оказаться бокал с шампанским, и разве легко за этим уследить?!

...К четырем утра первого января, когда по телику, Леся краем глаза заметила, запустили эротику, а гости устроили хоровое пение в зимнем саду, она уже начала наткаться на мебель и засыпать даже с подносом хрустальных бокалов в руках. Тогда Таисия наконец позволила младшей горничной пойти к себе.

– Отдыхай до десяти, а после – изволь быть в гостинной. И всем, кто пожелает, чтобы горячий кофе подала.

Леся почему-то ждала, что начальница ее поблагодарит за лихо исполненную адову работу. Или хотя бы с Новым годом поздравит. Но, конечно, не дождалась.

– Все, иди, – отвернулась от нее Таисия.

– Хорошо, – грустно откликнулась младшая горничная. – Кстати, с праздником вас!

– Что-что? – удивленно обернулась к ней церберша.

– С праздником. С Новым годом, – выдержала ее взгляд Леся.

– А, ты об этом, – равнодушно откликнулась шефиня.

И удалилась – надменная, прямая, без единой доброй эмоции.

А Леся, перед тем как отправиться в вожделенную спальню, все же потратила десять минут «на праздник». Умыкнула из кухни бокал, полный «Дом Периньона», и вышла в сад. Миновала рокарий, пальмовую аллею, остановилась на обрыве. По глоточку смаковала шампанское, наблюдала, как пенится далеко внизу море... Думала, что этот Новый год вышел самым необычным и тяжелым в ее жизни, и о том, как хорошо, что он наконец кончился...

* * *

Леся проснулась, когда чья-то рука – даже сквозь дрему чувствовалось, насколько она ухоженная и мягкая, – коснулась ее плеча, а женский голос, смутно знакомый, прошептал: «Вставай! Вставай, пожалуйста!..» И еще – на нее пахло спиртным. Очень сильно.

Она открыла глаза, застонала – такое ощущение, будто в мозги свинцом плеснули, – и снова смежила веки. Впрочем, успела заметить, что на улице еще темно – значит, подаренные Таисией шесть часов сна точно не истекли. «А если так – хоть трава не расти! Дальше спать буду!!!»

И Леся, не раскрывая глаз, пробормотала:

– Уйдите... прошу вас!

– Хорошо, – покорно отозвался голос.

По полу, удаляясь, зацокали каблучки, а Леся в изумлении распахнула глаза и увидела, что в ее клетушку, оказывается, изволила пожаловать сама хозяйка. Изможденная диетами, пластикой и «Дом Периньоном» мадам Кремнева собственной персоной.

Сна тут же как не бывало – Леся рывком вскочила с постели, бросилась вслед, крикнула:

– Наталья Николаевна! Стойте! Подождите! Что случилось? Я могу вам чем-то помочь?

Хозяйка послушно приостановилась, опять пахнула на нее перегаром, переспросила:
– Помочь?.. Да нет, ты мне не нужна.

Ее плечи сутуло сникли, и она вновь поцокала в направлении двери.

«А фиг ли приперлась тогда, разбудила?! – подумала Леся. – Вот уж заколебали: хозяйева, блин, жизни. Буржуи прибабахнутые!»

Она позволила хозяйке покинуть комнату, взглянула на часы (всего-то без десяти семь утра) и попыталась снова уснуть. Но Морфей, видно, ошарашенный тем, что в келью домработницы снизошла *сама хозяйка*, возвращаться не захотел. Только и оставалось – ворочаться в жесткой (слугам-то иных не полагается) постели и гадать, что за ерунда с мадам Кремневой стряслась. Раньше ведь в *служебные помещения* сроду не заходила. А уж сутулые плечи вкупе с покорным голосом – для хозяйки и вовсе нонсенс, это ж как надо было в новогоднюю ночь перепить!

«Может, уволиться? – в который уж раз за бесконечные так называемые «праздничные» дни подумала Леся. – А что? Уволюсь прямо завтра и к маме домой улечу!.. Новый год праздновать будем!»

Мысль казалась сладостной. Леся продолжала ворочаться в неудобной постели и смаковала идею, лелеяла, холила...

Откуда-то издалека, с хозяйской территории, раздавалась музыка. В саду шумели пальмы. Билось о прибрежные камни море.

И вдруг Леся услышала душераздирающий, отчаянный крик.

Кричали с улицы, из сада. Голос был женский, очень громкий, хорошо поставленный. Кажется, то вопила Певица.

– Вот ведь чертовы алкаши, – пробормотала Леся. – Точно: перепилась элита...

– Он мертвый! Мертвый! Мертвый! – повторял женский голос.

* * *

Тело Владимира Борисовича Кремнева обнаружили внизу, на узкой полоске пляжа.

В половине седьмого новогоднего утра Пародист с Певицей, утомленные плясками и шампанским, отправилась прогуляться. Чинный променад по саду и рокарию парочку почему-то не вдохновил – решили спуститься «поближе к стихии», на пляж.

Лестница, искусно прорубленная в скале и оснащенная перилами, находилась в восточном крыле сада и не освещалась. Не освещался и пляж – но Пародист и Певица, пусть оба и сильно нетрезвые, а фонарик с собой захватить догадались. Впрочем, пользовались им, только пока спускались по отвесной лестнице, а когда оказались внизу, тут же выключили. Почему – не скрывали: они немедленно начали целоваться.

Впрочем, целоваться *стоя* парочке показалось неинтересным – гораздо веселее было облизывать друг дружку на ходу, постоянно рискуя навернуться на острых камнях. И в какой-то момент они все же споткнулись. Упали. Расхохотались, потому что получилось совсем не больно. И включили фонарик – решили рассмотреть, что же помешало «целовательному пути». Ну и увидели: причудливо изогнутое тело хозяина с лужей крови, натекшей под головой...

Ступор длился недолго – буквально спустя минуту парочка уже взлетела по крутой лестнице наверх, в сад. Тогда Леся и услышала отчаянные крики, которые издавала Певица.

...Милиция подъехала поздно, аж к девяти утра, – тоже ведь Новый год у людей, – и констатировала: хозяин убит. Единственный ножевой удар в область сердца оказался смертельным. Ну а потом тело, судя по всему, перекинули через несолидный, всего-то метровый, забор, отделявший территорию особняка от *территории стихии*, и швырнули вниз, на пляж, на острые камни.

Свидетелей убийства, разумеется, не нашлось – как и желающих в нем признаться.

* * *

Прошло два дня, вовсю буйствовал новый год, бесконечно дул ледяной, несусветный по силе ветер (Лесе объяснили, что он называется норд-остом), а убийцу хозяина так и не нашли. Подозреваемых, правда, было много – подписку о невыезде вручили доброй половине гостей. Но ни единого ареста так и не последовало. Как презрительно сказала Таисия: «Наши знаменитости местным властям глаза застили. Разве ж они решатся на кого-то из таких звезд ножку поднять?»

Леся – она обожала, когда начальница вдруг не очередное поручение выдавала, а говорила «по-человечески», – тут же потребовала:

– А вы, Таисия Андреевна, как считаете: кто убийца?

Старшая экономка нахмурилась, видно, колебалась: приструнить младшую горничную или все же ответить? Наконец решила снизить, отрезала:

– Полагаю, убить мог любой из шестнадцати гостей. Но мое мнение к делу не относится.

«Вот как, – пронеслось у Леси, – кто-то, полагаешь, из гостей? И только? А жена, Наталья Николаевна, получается, вне подозрений?»

Леся прекрасно помнила, как хозяйка, непривычно забитая и покорная, непонятно зачем заходила в ее комнату. За двадцать минут до того, как поместье сотряс отчаянный крик Певицы.

Однако, когда Лесю вызывали на допрос, она об этом происшествии умолчала. Не потому, что боялась «дать неправильные показания» и потерять теплое местечко – на самом деле от этой работы ее уже тошнит. Ей просто показалось, что местные милиционеры (подавленные роскошью особняка, бриллиантами хозяйки и авторитетом звездных гостей) этой информацией и распорядиться-то толком не сумеют. Начнут на Кремневу тупо «давить», запугивать, добиваться признания, не понимая, что ее (вот уж женщина с говорящей фамилией!) подобными примитивными приемчиками не проймешь. Поэтому и хозяйка на свободе останется, и она, Леся, только почему зря себе серьезного врага наживет.

Вот если бы у нее более веские доказательства были – виновности, хотя бы чьей-то!.. Загадка ведь – интереснейшая. Вполне в духе классических детективов и уголовных дел из учебников по юриспруденции – новогодняя ночь, хозяин, хозяйка, шестнадцать гостей и пять человек персонала (они с Таисией плюс трое местных, тоже оставшиеся обслуживать барский праздник). Посторонние на территории оказаться, скорее всего, не могли – в отличие от хилого ограждения, выходящего на море, внешний забор высок, на воротах – сложная система электронных замков, да и камеры, установленные на входе и по периметру ограды, услужливо демонстрировали: незваных гостей на празднике у Кремневых не было. Значит, убил кто-то из присутствующих. Но кто? Кто до такой степени смелый? Кто не побоялся, что в сад – а убийство, как свидетельствовали следы крови на дорожке, произошло именно там – в любой момент выглянет кто-то из подгулявших гостей? Кто не испугался, что Кремнев сильный и еще совсем не старый мужик, окажет сопротивление или как минимум закричит?

«Бесстрашный человек, – думала про убийцу Лесья. – И сильный: в хозяине-то нашем добрых сто килограммов было. Поди такую тушу через забор, хоть и метровый, перекинь... И все же очень странно, что ни единого свидетеля не нашлось... Но, может, они все-таки есть? И молчат – как и я молчу о том, что хозяйка ко мне в комнату заходила?.. Эх, как бы узнать!..»

И Лесья, пока еще не все гости разъехались, прилагала к этому все силы. Будто случайно оказывалась под дверью, за которой беседовали Пародист с Певицей. Пряталась в саду, пытаюсь подслушать, о чем говорят Режиссер с Актером. Осмелилась заглянуть в компьютер Автора

детективных романов. Покопалась в личных бумагах хозяйки. И даже с Таисии на всякий случай не спускала глаз.

Однако ничего выдающегося разведать ей так и не удалось, и сыщицкий Лесин азарт потихоньку начал угасать, как вдруг (это было четвертого января) ее срочно вызвала старшая экономка. И озадачила удивительным поручением.

Оказалось, что Наталья Николаевна, хозяйка – убитая горем или, наоборот, упоенная собственной безнаказанной наглостью, – решила выплатить вознаграждение. Тому, кто поможет найти преступника. Вознаграждение было абсолютно сумасшедшим: сто тысяч долларов. Леся таких денег и представить не могла – это ж не в Московский универ, а в любую Сорбонну с Йелем можно поехать. И мамочку из унылой «хрущобы» переселить. И норку себе купить – даже получше той, в которой щеголяет задавака Певича. И...

«Деньги будут выплачены немедленно по предоставлении фактов, убедительно указывающих на истинного преступника», – гласил составленный хозяйкой текст. Лесе следовало его, во-первых, разместить на правах рекламы в трех местных газетах. Во-вторых, развесить в виде плаката на прилегающей к особняку территории. И, в-третьих, разослать письмом всем шестнадцати уже разъехавшимся звездным гостям.

«Ну, и, в-четвертых, – думала Леся, еще и еще раз перечитывая текст и смакуя восхитительную цифру 100 000, – мне нужно раскрыть это дело самой. А что – слабо? Чем я хуже ментов – особенно местных, которые хозяев моих сверхбогами считают? А я ведь, между прочим, на юридический собираюсь! И не сомневаюсь, что юрист из меня получится что надо. Ну же, детка, давай, не все тебе посуду мыть и шампанское подавать! Шевели мозгой! Начнем от печки. Qui pro? Кому? Кому была выгодна смерть Кремнева?»

* * *

Пятнадцать лет назад Эвелина, для друзей – Эва (не путать со старорежимным именем Ева), собиралась замуж, и ей это очень нравилось. Нравилось не уже *быть замужней*, то есть при кухне, ворчле и капризах законного супруга, а только *собираться*. Часами выбирать себе платье – по каталогу или в салонах. Искать самые тонкие в городе чулки. Подбирать макияж. Ловить завистливые взгляды холостых подружек. Ну и, конечно, «тестировать» рестораны – этим они вдвоем с Мишутиком, будущим мужем, занимались. «Нужно ведь банкет, чтоб все упали, так? – рассуждал жених. – Так что давай уж подберем самое зашибенное местечко. Заранее».

Эвочка, конечно, с ним соглашалась. Ходить по кабакам – то есть, пардон, их тестировать – было интересно. Да и встречали их с Мишутиком везде, будто самых наидорогих гостей (а попробовали бы иначе – в городе каждая собака знает, что за Мишенькой всюду джип с охраной ездит, и ребята в том джипе с пушками). Кормили тоже славно – если форель, так только что из озера, а если шашлык, то, бывало, и барана показывали, которого они через час есть будут, да с самыми свежими травами, помидорчиками, ледяной водочкой... Неудивительно, что официантки, особенно смазливенькие, на Эву голодными волчицами косились.

А кто спорит: Мишутик – партия завидная. Все при нем. Денежки, бизнес, авторитет, да и выглядит настоящим джигитом – копна смоляных волос, берущий за душу взгляд, сильные, уверенные руки...

– Везет тебе, Эвка! – в один голос пели подруги.

Одна мама вздыхала:

– А мне твой Мишутик не нравится. То ли дело Вовочка был. Не красавец, конечно, и не богач. Зато умник какой, все время с книжками, и в институте учится. И добрый.

«Ага, добрый, – усмехалась про себя Эва. – Знала бы ты, какой он скандал устроил. Когда узнал, что я за другого замуж выхожу».

Вспоминать, как бесновался Вовочка – кричал, что покончит с собой, и называл ее предательницей, – было даже приятно. Одно беспокоило: когда экс-поклонник понял, что все его красноречивые доводы меркнут в сравнении с «Мерседесом» и лопатником конкурента Мишутика, он пообещал:

– Ну, смотри, Эвка. Дело, конечно, твое. Только как бы ты кровавыми слезами не умылась! Как бы не пожалела!..

– А чего мне жалеть? – жестоко усмехнулась она. – Ты, Вовочка, парень, конечно, что надо. Но с Мишутиком – извини, тебя не сравнить.

И ушла, и больше отвергнутого Володю не видела, но червячок страха, увы, остался. Изводил, нервировал, точил... И слова Вовчика о том, что она «пожалееет», не забывались.

Однако свадьба с Мишутиком близилась, уже и ресторан выбрали, и платье Эва купила, и туфли, и к стилисту на шесть утра в день регистрации записалась, и даже подсмотрела, какое кольцо ей жених купил, а Вовчик все сидел в тине и никаких неприятностей не доставлял.

Ну, а счастливым днем – тем самым, который у нее в паспорте проштампуют и на всю жизнь увековечат, – Эва проснулась, хоть и в страшную рань, в пять часов, а без будильника. Не позавтракав, выскочила на балкон. Долго любовалась первыми проблесками рассвета, бескрайним небом, далекими, едва на горизонте, горами. И улыбалась, вспоминая, как вчера Мишутик пообещал, что после свадьбы каждый день ей будет кофе в постель подавать. Интересно, наврал или нет? Впрочем, это она узнает очень скоро – уже через сутки. И Эва весело побежала на кухню – варить свою последнюю «девическую» чашечку кофе... Позавтракала, умылась, пригладила волосы, впрыгнула в платье – еще не в свадебное, в обычное – и бросилась вон из квартиры. Чтобы в салон, к стилисту, не опоздать.

Но дошла Эва только до выхода из подъезда.

* * *

Сочинский вестник, 7 июня 198 года*

Телетайп новостей

Страшная трагедия произошла сегодня на проспекте Новаторов. Эвелина Р-ва вышла из дома в половине шестого утра. Она спешила к стилисту, чтобы сделать праздничную прическу и макияж, – а в десять часов у девушки должна была состояться свадьба с Михаилом Т-ным, известным в нашем городе бизнесменом.

Едва Эвелина вышла из подъезда, как увидела, что ей наперерез бросается человек – и через секунду почувствовала нестерпимую боль. На крик девушки выскочили соседи и обнаружили, что она сидит на траве, закрывает руками лицо и повторяет: «Вовчик! Это был Вовчик!!!» Приехавшая «Скорая помощь» диагностировала ожоги кислотой третьей-четвертой степени тяжести. Эвелина помещена в отделение реанимации, поисками Владимира К-ва – именно он, по словам пострадавшей, выплеснул ей в лицо содержимое банки с кислотой – занимается милиция. Свадьба отложена на неопределенный срок.

* * *

Леся подкараулила Таисию на веранде.

Старшая экономка – как обычно, прямая, бесстрастная и ледяная, – смаковала утренний кофе. За натертыми (ох, как же тяжело было полировать!) стеклами разгорался новый день, из-за гор робко выглядывало солнце.

– Доброе утро, Таисия Андреевна, – весело поздоровалась Леся.

Экономка вскинула на девушку мрачный взгляд. На приветствие, разумеется, не ответила. Буркнула:

– Иди в кухню. Я сейчас подойду.

– Да ну ее, эту кухню! – усмехнулась Леся. И без приглашения плюхнулась в соседнее кресло. – Там душно. Давайте лучше здесь посидим. Поболтаем.

– Что-о? – вылупилась на нее пораженная экономка. Не ожидала, видно, демарша, привыкла уже за полгода своего безоговорочного террора, что Леся себя тише воды ниже травы ведет.

– Ну, что вы как неживая. Нет бы улыбнуться, кофейку мне предложить, круассанчик... – продолжила веселиться младшая горничная.

– Вон, – тихо приказала Таисия.

Леся в своем кресле не шевельнулась. Улыбнулась еще шире – и закончила фразу:

– А еще – сто штук баксов отсыпать... – И, понизив голос, произнесла: – Я ведь все про вас знаю... Эвелина Петровна.

– Повтори, – велела начальница.

– Повторяю, – вздохнула Леся. – Я все поняла. И выяснила. Что на самом деле – никакая вы не Таисия. И не Андреевна. Вас зовут Эвелина, Эвелина Петровна Русанова. И Владимира Кремнева, нашего хозяина, убили вы. За то, что он, в свою очередь, много лет назад искалечил вам жизнь. Выплеснул в лицо кислоту – в тот день, когда вы должны были выйти замуж за другого. Вы давно решили ему отомстить. Для того и на работу сюда устроились. И вот случай представился. Убийство в новогоднюю ночь, очень романтично...

– Как ты догадалась? – тихо спросила экономка.

«О, как просто! – пронеслось у Леси. – Она даже не отпирается!»

И Леся призналась:

– Да, в общем-то, случайно. Во-первых, рискнула к хозяйке подойти. К Наталье Николаевне. И спросила ее, зачем она первого января в мою комнату приходила. За полчаса до того, как тело хозяина нашли...

– Она заходила в новогоднюю ночь? К тебе?! – удивилась Таисия. Нет, не Таисия, а Эвелина.

– Да. Хозяйка прямо в комнату ко мне приперлась, когда я спала. Пьянущая была вусмерть и чего хотела – непонятно. Тогда я ее спросонья, можно сказать, послала – и она покорно ушла. А сейчас я набралась наглости и спросила хозяйку: зачем она ко мне приходила? И она сказала, что искала вас. Очень долго искала, по всему дому. И никак не могла найти. Но это ведь странно – раз вы меня услали спать, значит, сами-то должны быть с гостями! Вот тут я вас и заподозрила.

– И что дальше? – остро взглянула на нее старшая экономка.

– А дальше... дальше я вспомнила, как Пародист рассказывал, что вы в четыре с хвостиком ночи им абсент подали. В больших бокалах. Хотя никто об этом не просил. Ну, они и налакировались – так, что с ног попадали, почти все. А зачем вам было их спаивать? Сами же меня наставляли, что задача хорошей экономки – чтобы гость ни в коем случае не надрался, а выпил точно свою меру... И еще: вы ведь женщина сильная. Я сама видела, как вы одна мешок с сахаром однажды подняли. Без проблем. А это, извините, целых пятьдесят килограммов. Так что, значит, и хозяина через забор перебросить могли без труда.

– Это все, конечно, не доказательства, – вздохнула начальница, – но...

– Ну, а потом я в Интернет полезла, – перебила ее Леся. – Про хозяина нашего нашла там статей и всякой информации – миллион. Вот я и попыталась его связи установить – со всеми из шестнадцати гостей. И с вами.

– И что же?

– Ничего, – вздохнула Леся. – Никаких разногласий, конфликтов, романов, имущественных претензий. Ни с кем из присутствующих. Так что только и оставалось – «чернуху» из любой оперы на Кремнева поискать. Вот я и выкопала – эту старую историю с девочкой Эвой.

Хозяина нашего тогда ведь едва не посадили. Пока он не доказал, что все утро убийства провел в другом городе. Шесть свидетелей, железное алиби. А Эве, то есть, простите, вам – он в то утро на нервной почве померещился...

– С чего ты взяла, что я – это она? – нетерпеливо выкрикнула Таисия.

– Да очень просто. Во-первых, у вас лицо какое-то мертвое, без мимики – явно пластическая операция была, и не одна. Во-вторых, характер несносный: видно, что в жизни тяжело пришлось. А в-третьих... – Леся смутилась, – вы, хотя свой чемодан и запираете, а однажды за ним не уследили. Ну, и сами понимаете: мы, младший персонал, – народ любопытный. Я и вырезки из газет нашла, и много еще чего любопытного...

– Понятно, – протянула Таисия, она же Эва. И спокойно спросила: – Значит, ты хочешь получить награду? Сто тысяч долларов?

– Хочу, – кивнула девушка.

– У меня, как ты понимаешь, таких денег нет, – пожала плечами экономка. – И что? Что ты будешь делать дальше?

Леся выдержала паузу. Не спеша налила себе кофе. Откинулась в кресле. Старшая экономка – ох, как же это было необычно! – ее не одергивала, молний не метала. Наоборот: смотрела вопросительно и жалобно.

– Так что? – повторила Таисия. – Выдашь милиции? Мне идти вещи собирать?

– Ох, как же вы меня за эти полгода извели, – тихо сказала Леся. – Как я вас ненавидела. Сколько раз смерти вам желала...

– Что ж, теперь есть шанс расквитаться, – пожала плечами церберша.

– И расквитаюсь, – заверила Леся. – Значит, так: только посмей еще раз на меня вякнуть. Или рожу покривить. Или мораль прочесть. Придушу. Как цыпленка. Поняла?.. А теперь, – она сделала еще один глоток кофе и снова перешла на вежливый тон и «вы»: – Можете отправляться в кухню. Начинайте мыть посуду. Когда я закончу завтракать – может быть, присоединюсь к вам.

И Таисия – вот восхитительное зрелище! – ей повиновалась. Послушно побрела в кухню – несчастная, уничтоженная, слабая. Леся смотрела ей в спину со смесью презрения и застарелой обиды.

«Может быть, все же выдать ее? Получить сто тысяч? Отомстить – за все издевательства и придирки? И справедливость восстановить – она убийца, а убийц надо карать?»

Искушение было велико, Леся даже с кресла встала – идти с оглушительной новостью к вдове Кремнева. Да вдруг представила юную, примерно в ее возрасте, Таисию—Эвелину. Красивую, беспечную, полную радужных надежд... И Кремнева – тоже молодого, но, не в пример девушке, уже расчетливого и подлого. Который перечеркнул все ее счастливые планы. Растоптал. Искалечил. Уничтожил.

«Да я б на месте Таисии и ждать бы так долго не стала, – подумала Леся. – Еще б раньше такую сволочь грохнула...»

Так что нет. Выдавать старшую экономку никак нельзя. Подлость будет – похуже кремневской. А сто тысяч... Что ж. Придется пока обойтись без них.

«Нюхом чую: не последние это в моей жизни деньги, – улыбнулась про себя Леся. – Если уж я сейчас, когда мне всего восемнадцать и образования – одна школа, смогла убийцу вычислить?! А что будет тогда, когда юридический закончу? Да я лучшим следователем в Москве стану! Или еще лучше – свое детективное агентство открою. Назову его, скажем, «Мисс Леся Марпл»... И продолжу раскрывать убийства – но уже за оглушительные гонорары!

Леся снова улыбнулась. Девушка больше не сомневалась: в младших горничных она точно не задержится. Ну а Таисия—Эвелина... Бог ей судья.

БЕЛЫЕ НОЧИ, СИНИЕ ДНИ

Я погибла в прошлую пятницу.

А все потому, что меня никто не ждал.

Впрочем, расскажу свою историю по порядку. Несмотря на посттравматический синдром, я сохранила способность излагать мысли последовательно. И прекрасно помню, с чего мое дикое приключение началось.

Итак, я возвращалась в Москву из командировки...

По большому счету, во всем виноваты командировки. Денис давно зудел, что ему надоели мои бесконечные мотания по стране. Что он безумно хочет, чтобы я сидела дома. Хотя бы вечерами. И чтобы в нашем доме пахло свежеприготовленной едой: «Ладно, пусть не пирогами, я уже устал просить тебя испечь пироги... Делай мне по вечерам хотя бы, я не знаю, яичницу!..» – «Ну, яичницу ты и сам можешь себе приготовить», – возразила я ему тогда. И, наверно, зря, потому что тут он совсем взбеленился: «Вот именно! Именно, что сам!.. Я сам готовлю себе яичницу, сам глажу себе рубашки, потом один ложусь в холодную постель – где тоже обнимаю себя сам!.. Тогда позволь узнать, *дорогая Ксения*, – бог знает, сколько яду вложил он в эти последние два слова, – зачем *ты* мне нужна?!..»

В общем, после ссоры – а я как раз собирала сумку для той, последней, поездки – он ушел. А те слова, что он сказал напоследок, оказались самыми злыми и самыми для меня горькими: «Раз *ты* не хочешь быть рядом – всегда! – может, мне поискать на это место *другую женщину*? Чтобы не я ее вечно ждал, а – *она меня*?»

Он ушел и даже дверью не хлопнул. И это было ужасно. Денис ведь уже дважды пытался убежать от меня. И оба раза шарахал дверью так, что штукатурка сыпалась. А я понимала: раз злитесь, значит, вернется. И он действительно оба раза возвращался. И приносил охапку цветов, и падал на колени, и просил прощения... Теперь же тихо затворившаяся за ним дверь означала, что случившееся – всерьез. И на сей раз он, пожалуй, ушел навсегда.

Всю неделю, что я провела в городе К***, на душе у меня скребли кошки. Несмотря на роскошную погоду, я отвергала все предложения местного руководства, которое пыталось зазвать меня то в ресторан на свежем воздухе, то на барбекю на берегах водохранилища. Я возвращалась в свой номер, смотрела старые фильмы по спутниковому каналу, иногда плакала и рано ложилась спать.

Командировка, наконец, кончилась – в пятницу вечером.

До аэропорта меня проводил директор одного из местных магазинов, из числа принадлежащих нашей мега-сети – я для него все-таки большое начальство. Когда я распрощалась с ним и прошла предполетный контроль, тут же позвонила к нам на квартиру. Разумеется, номер не отвечал – как не отвечал все последние пять вечеров. И тогда я набрала мобильный Дениса – чего не делала ни разу за те пять дней, что провела в К***.

Голос Дениса, звучавший в телефоне, был холоден и отчужден – хотя он прекрасно видел, чей номер высветился на определителе. А в трубке слышался гомон, веселые женские голоса, переливчатый смех.

– Да! Говорите! – сухо, безлично бросил Денис, и тогда я повесила трубку. Он своего добился. Вот теперь уж точно – с ним у меня все кончено.

А, может, мой номер не определился на его мобильнике? При междугородных звонках такое бывает... Может, позвонить ему еще раз?

«Ну уж нет, – сказала я себе. – Все! Хватит! Баста! Я не буду перед ним заискивать и его добиваться. Кончено – значит, кончено. Прощай, мой дорогой Денис, прощай навсегда!..»

И, знаете, что? Когда я приняла это решение, мне вдруг сразу стало легче. «Да кому ты нужен!.. – чуть не вслух сказала я, адресуясь к своему теперь уже экс-любовнику. – Бездарь,

никчемный художник, мазила!.. Ты думаешь, на тебе свет сошелся клином?.. А не кажется ли тебе, что свет сошелся клином, скорее, на мне – двадцатипятилетней, ответственной, много зарабатывающей, а главное – такой красивой и сексапильной?!..»

И я пошла по лестнице на второй этаж, в предпосадочный зал. Волнующая походка, небрежные взмахи сумкой от настоящего «Вюиттона» – меня провожали не один и не два мужских взгляда... А я еще, дура, переживала из-за того, что меня бросил этот неудачник!

В зале отлета аэропорта К*** имелся уютный барчик – я знала о его существовании по своим прошлым визитам, когда приезжала сюда школить персонал местных магазинов, входящих в нашу сеть. Сейчас мне просто необходимо было слегка выпить. И для того, чтобы отпраздновать свое внутреннее освобождение от Дениса, – а в тот момент я верила, что оно, наконец, наступило, и для того, чтобы потом не страшно было лететь. Из К*** в столицу фланировали столь жуткие тарантайки, они так тряслись (или, как выражались аборигены, трусились) при взлете, а также в воздухе, не говоря уж о посадке, что путешествовать на них следовало только под легким (а может быть, даже под тяжелым) наркозом.

Я заказала в баре порцию коньяку. Все столики были заняты – пассажиры не хуже меня знали о летных качествах воздушных судов и усердно старались впасть в анабиоз. Пришлось устроиться на высоком табурете у стойки. Я сделала первый глоток, и почти сразу меня охватила неслыханная легкость. Как хорошо, что с Денисом покончено! Я готова была прокричать, пропеть: «Свободна! Свободна! Свободна, наконец!..»

Рядом со мной на барный стул плюхнулся парень с большой кожаной сумкой в руках. Он был вполне симпатичным: рослым, загорелым, брутальным, и пил двойной виски со льдом.

– Ваше здоровье, – обратился он ко мне.

– И ваше, – я приветственно приподняла бокал.

Дурак Денис, не понимает, сколь легко я могу найти ему замену.

Парни просто рыщут вокруг, желая прийти ему на смену!

– Куда летим? – спросил меня сосед с вискарем.

– В Москву, – безыскусно сказала я.

– Счастливая... – с явной, ничем не прикрытой завистью протянул незнакомец. Словно я назвала в качестве пункта назначения не Москву, а Венецию, или Париж, или Мальдивы.

Я со смехом бросила:

– Можно подумать, вы отправляетесь куда-нибудь в Оймякон!

Чувствовала я себя великолепно. Коньяк и мысль о том, что я теперь свободна от Дениса, стали оказывать свое волшебное действие.

– Да нет, я лечу в Питер, – бросил парень.

При этом он весь сморщился.

– В Питер? И вы еще недовольны?!

– А что делать?

– Да вы были когда-нибудь в Питере?! Это же чудесный город!.. Лучший, наверно, город на земле!.. Боже, как же я люблю Питер! Разве можно его сравнить с нашей Белокаменной!..

– Возможно. Но мне-то надо в Москву.

– Тогда зачем вы, простите меня, летите в город на Неве? Кто вас туда гонит?

– Местные авиалинии. На Москву у них, видите ли, нет билетов. Ни на сегодня, ни на завтра, ни на послезавтра. Поэтому буду добираться кружным путем. Бешеной собаке шестьсот верст не крюк... «Там, где Нева становится морем, вижу я Крымский мост!..» – приятным баритоном пропел он.

– Да, – глубокомысленно заметила я, – с современными средствами транспорта северная столица становится пригородом Первопрестольной. Или наоборот.

– Вот именно!.. Так что прилечу и рвану сразу из Пулково на Московский вокзал, а там уж найдется хоть один билет на паровоз до Белокаменной.

–Вы настоящий авантюрист, – глубокомысленно изрекла я. И уточнила: —В хорошем смысле этого слова.

–А что остается делать? Мне завтра утром обязательно надо быть в Москве.

–А вот мне не надо, – вздохнула я, вспоминая свою пустую квартиру.

–Да? Что ж, – философски заметил собутыльник, – складывается ситуация, которая может служить аллегорией жизни вообще, в самом широком смысле этого слова.

–Это как? – не поняла я.

Парень усмехнулся.

–Те, кому место в самолете (или другое благо – безразлично), фактически отнимают его у того, кому оно позарез необходимо.

–А вы философ, – вслух заметила я, а про себя подумала: «Хайдеггер, блин!.. Деррида!..»

–Нет, я психолог.

Коньяк был допит, виски незнакомца тоже. Однако посадку еще не объявляли.

–Еще один коньяк и одно виски, – бросил парень барменше и пояснил: —Позвольте мне угостить вас.

В его глазах блеснул азартный огонек.

А когда барменша поставила перед нами бокалы, он вдруг молвил:

–Давайте поменяемся!

–Поменяемся? Чем?

–Нашими рейсами. Я полечу в Москву, а вы, раз уж вам так нравится Северная Пальмира, – отправитесь по моему билету в Питер.

–Что за ерунда! – воскликнула я, пригубив вторую порцию коньяка.

–Абсолютно не ерунда! – горячечно выдохнул незнакомец. И заторопился: – Понимаете, все документы – паспорт, билет – у нас с вами уже проверили. На руках у каждого – только посадочный талон. По нему и пускают в самолет. Вы мне дадите свой посадочный, а я вам – свой. И вы полетите в Питер, а я в – Москву.

–А багаж?

–А у вас есть багаж?

–У меня нет. Все свое ношу с собой.

И я кивнула на сумку от «Вьюиттона». Пусть она куплена с дикой скидкой на супер-распродаже – не хватало еще, чтобы ее швыряли аэропортовские грузчики. Поэтому всеми правдами и неправдами я стараюсь протащить ее в самолет под видом ручной клади.

–У меня тоже нет никакого багажа!.. Поэтому давайте махнемся, а?.. Ваш самолет – на Питер – кстати, вылетает даже раньше моего, на Москву.

–Ну, вы и жулик!.. – засмеялась я. – Ладно: вам-то надо в столицу. Но объясните, пожалуйста, зачем этот чейндж¹ нужен мне?

–Как?! Вы же только что сказали, как любите Петербург. А там сейчас – белые ночи. Красота – неопишуемая. Разводят мосты. Ночью светло, как днем...

–Не надо мне рассказывать. Я очень хорошо знаю Питер.

–Тем более! Соглашайтесь, милая девушка. А я вам оплачу обратную дорогу из Петербурга до Москвы. В вагоне «СВ». И еще, знаете, – у моего друга в Ленинграде совершенно пустая квартира. На канале Грибоедова. Я позвоню ему, и вы сможете поселиться там. С видом на канал, и в двух шагах от Мариинки.

–Ну, это уж слишком. Как-нибудь я смогу оплатить себе гостиницу в Питере.

–Значит, в остальном вы согласны, – весело подытожил мой новый знакомый и шлепнул о стойку посадочный талон, а сверху – пятитысячную купюру. – Это вам на дорогу в Москву.

¹ Обмен (англ.)

–Ну, вы наглец! – рассмеялась я, а рука уже сама потянулась в сумочку за посадочным талоном.

То, что я в итоге согласилась, вряд ли можно считать заслугой парня с его беззастенчивым напором. Скорее, мое согласие было связано с тем, что в столице меня ждала моя пустая квартирка в Свиблово. А еще – мне ужасно захотелось сорваться. Внезапно, вдруг – уехать. Причем сорваться именно в Питер – как срывалась я туда на выходные и семь, и шесть, и пять лет назад. Неожиданно, стремительно, не предупредив никого – и даже Георгия – о своем приезде. Сесть в поезд и умчаться. И упасть ему как снег на голову. Обрушиться наглым звонком и рухнуть в его объятия прямо в коридоре...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.